

Г.Н. Машкин

Отчего-то всегда было легко говорить с Геннадием Машкиным. О литературе, о жизни, о чём-то случайном, забавном, внезапно пришедшем на ум... Один из друзей Вампилова, кажется, автор названия молодой писательской компании «Иркутская стенка», он любил рассказывать что-нибудь из прошлого, из 60-х годов. Помню про озеро Фролиху, на которое они однажды ходили походом на рыбалку. Там какое-то было приключение, они с Вампиловым и ещё с кем-то на время отлучились, потом не то заблудились, не то долго не могли отыскать подхода к озеру. Глеб Пакулов остался на базе, ждал их.

— А Глебушка на берегу ходит и кричит: «Ребя-я-ятушки, ребя-я-ятушки!» — очень смешно у Машкина выходило и сказку напоминало: «Ребя-я-ятушки, козля-я-ятушки»...

Самое удивительное, на непринуждённость наших отношений никак не влияли мои редакторские придирки к его произведениям, которые автор прославленного «Синего моря, белого парохода» время от времени предлагал издательству, хотя чаще печатался в Москве.

Так, однажды он принёс в редакцию роман под названием «Гонец Лавинный» на производственную тему, которую нам настойчиво предлагали сверху. Серьёзных и правдивых вещей среди них обычно не попадалось, и потому навязывание вызывало сопротивление. Писатели не работали у заводских станков и на хлебных станах, чтобы увидеть мир труда изнутри. То же самое журналисты, хотя они были ближе к жизни, зато не очень дружили со свежим, сочным словом. Как однажды почти дуэтом выразились главный редактор Ростислав Филиппов и художественный редактор Евгений Касьянов (один начал, другой подхватил): кто пашет, тот не пишет — кто пишет, тот не пашет. Развеселили планёрку в ответ на очередной призыв директора Юрия Ивановича Бурькина организовать рукопись на рабочую тему.

У Геннадия Николаевича был творческий период, когда он подобными предложениями не пренебрегал. Наверное, как недавний геолог, считал себя достаточно

осведомлённым в трудовой сфере, а как профессиональный писатель полагал, что обязан легко справляться с любым заданием. Да и гонорар — лишний разве?.. Читателя он не хотел слишком удручать производственными заморочками и потому вводил в повествование насмешливые нотки. Оттого при чтении «Гольца Лавинного» у меня возникло ощущение, что всё в этом романе завязывается и развязывается словно шутя. В общем, моё заключение получилось отрицательным.

Машкин с ним не согласился, и тогда я предложила ему назвать кандидатуру рецензента, мнению которого он доверяет. Пусть нас рассудит. Надо сказать, рецензирование в разные годы было в издательстве то обязательным, то не очень. К автору с именем чаще применялось «не очень» — сэкономились издательские деньги, особенно если рукопись была толстой. Негласное это правило было хорошо известно писателям, поэтому некоторые обижались, если их творение отдавалось на рецензию. Машкин как раз входил в категорию именитых.

Но Геннадий Николаевич не обиделся на моё предложение и без долгих раздумий назвал своего друга Геннадия Николаева, бывшего иркутянина, переехавшего в Ленинград. Меня этот выбор вполне устроил. Признанный прозаик, Николаев был ещё и опытным редактором, в 1971–1974 годах возглавлял наш альманах «Ангара», а в городе на Неве стал главным редактором журнала «Звезда». Кроме того, я слышала о нём как о человеке честном и ответственном.

Посылая рукопись Николаеву, я приложила к ней и своё заключение: если я не права — оспорьте его. Я, конечно, понимала, что ставлю Геннадия Философовича в непростое положение. Даже если возразить ему будет особо нечего, но каково это — вдруг ни с того ни с сего обидеть давнего друга?.. Раздумывала: не откажется ли? Всегда ведь можно сослаться на нехватку времени. Но с другой стороны, это будет отказом не только издательству, но и Машкину...

Ответ пришёл, рецензия была написана. Примерно половину её площади занимали достоинства творчества Машкина вообще, потом шли рассуждения о производственной теме, а в конце предложение: может, этот роман стоит издать под рубрикой «Ироническая проза»?

Машкин, прочитав рецензию, только хмыкнул и ушёл, забрав свой «Голец», и больше нам его не предлагал. Правда, спустя год или два, заглянув как обычно, он бросил мне на стол книгу со знакомым названием и упрёком:

— Вот смотри, Москва печатает, а вы тут копаетесь...

«Голец Лавинный» был издан Профиздатом, и я, не чувствуя никаких угрызений, с облегчением вздохнула:

— Поздравляю!..

Профиздат среди издательств особого авторитета в то время не имел.

В наших отношениях ничего не изменилось. Мы по-прежнему с обоюдным удовольствием беседовали на разные темы. Позже я всё-таки заглянула в московское издание «Гольца Лавинного». Мне показалось, что после рецензии Николаева Машкин доработал роман, «осерьёзнил» его.

Омрачила наше приятельство работа над книгой «Черты созидания».

В те же 80-е годы, на подходе к перестройке, издательство затеяло серию «Писатель и Сибирь». Подразумевалось дать читателю глубокое, именно писательское осмысление проблем нашей жизни. Примером был, конечно, Валентин Распутин с его могучей публицистикой.

Мне выпало составлять (вместе с журналистом Н. Кривомазовым) и редактировать третий выпуск — «промышленный». Причёсывать сборник разных ма-

териалов морока немалая, тем более журналистских и писательских вместе (без журналистов в этом деле мы обойтись не могли). От плана-проспекта по ходу работы остались рожки да ножки: кто-то из утверждённых авторов внезапно как в воду канул, другой не справился с темой, третий, наоборот, написал в три раза больше, чем надо.

Главная трудность состояла в самой промышленности, которая в эти годы была — увы! — не на подъёме. Говорить о ней означало говорить о проблемах. Собственно, это и было задачей серии «Писатель и Сибирь». Однако руководство призывало нас настраивать авторов не на унылую фактографию, а на заинтересованный подход, поиск хотя бы приблизительных путей выхода, поднимать дух на преодоление недостатков. В общем, как говорилось в те времена, «критика должна быть конструктивной». Выдержать такую линию было трудно, и вот как пример: не прошёл остропроблемный очерк Леонида Капелюшного, собкора «Известий», о прокладке Северомуйского туннеля, где случилась авария, унёсшая жизни нескольких рабочих. Мне отстоять очерк у начальства не удалось, автор подал в суд и выиграл гонорар, т.к. договор с ним уже был заключён.

Вся эта горячка осталась позади, книга уже вышла, когда я однажды увидела в издательстве Валентина Распутина и Ростислава Филиппова. Они направлялись в приёмную. «Наверное, что-то интересное затевается», — подумала я. В те годы у издательства и писательской организации было несколько совместных проектов.

Минут через пятнадцать секретарь вызвала меня к директору. Я вошла и увидела в кабинете тех, с кем только что поздоровалась.

Оказывается, писатели пришли с претензиями ко мне. Филиппов — он как раз недавно стал секретарём писательской организации — возмущался тем, что материалы сборника «Черты созидания» сокращены без согласия авторов. Среди обиженных был назван и Геннадий Машкин. Я уже выслушала намеренно его речь, полную негодования. О том как он, выполняя заказ издательства, отложил в сторону неоконченную повесть, которую ждёт Москва, поехал в командировку в Саянск, вник в дела изыскателей и буровиков будущего химкомбината, написал очерк «Обновление карты» объёмом, прописанным в договоре, — а редактор берёт его и урезает!

Несмотря на эту прелюдию, я всё равно почувствовала себя застигнутой врасплох. Сбивчиво ссылалась на безвыходность положения: много замен материалов по ходу дела, рукопись пришлось перекраивать не на один ряд, запланированный объём трещал, сроки горели...

Директор Юрий Иванович смотрел хмуро. Ему не хотелось портить отношений с писателями, но и завышение листажа была его постоянная головная боль. Единственно, что ему оставалось, так это строго заметить мне, что всякую правку надо согласовывать с автором, что он и сделал.

Распутин в основном молчал, а когда мы все выходили из приёмной, сказал мне:

— Чтобы убрать у меня одну строчку, редактор звонила мне из Мюнхена.

Ответить было нечего.

Вспомнился и тот безрадостный день, когда Геннадий Николаевич увидел готовую книгу. Взглянув на обложку, он сокрушённо воскликнул:

— «Черты созидания» — чёрт знает что! Кто придумал это название?! Я же предлагал — «Солёные пади Саянска». Только послушай, как звучит! Никакого сравнения!

Я была готова провалиться. Я и сама не могла видеть это название — художочный плод долгих поисков. Да, машинское было отвергнуто сразу, потому что получалось, будто книга об одном Саянске, и к тому же ни один материал так не назывался. Но увы! То ли от усталости, то ли от помрачения ума я остановилась на худшем варианте, и это пришлось признать.

— Да, Геннадий Николаевич, — сказала я понуро, — ваше было лучше...

...Светлая полоса наших отношений пришлась на время, когда Восточно-Сибирское книжное издательство завершало свою славную историю. Но мы ещё не прозрели близкого конца.

Где-то в самом начале 90-х Машкин, выходя из соседней, детской, редакции, приоткрыл дверь и крикнул в мою сторону:

— Я скоро принесу повесть, которая тебе понравится! Вот посмотришь!..

«Дай-то Бог!» — подумала я, давно мечтающая сказать писателю что-то приятное о его прозе. Получалось, мы говорили с ним о чём угодно, но только не о ней. К тому же здоровье его как раз в эти годы пошатнулось, он пережил сложный перелом ноги, ходил с палочкой, казалось, даже сидеть долго в одном положении ему трудно. Вид у него был напряжённый и мрачноватый, и только в общении он оживал и становился прежним, готовым найти причину если не посмеяться, то хотя бы усмехнуться. Мне было не по себе, оттого что всё никак не могу его подбодрить.

И вот Машкин принёс свою новую повесть. Она называлась «Исповедь в Акше».

Простая по композиции, повесть была построена на рассказе старой крестьянки о годах молодости, пришедшейся на жестокие годы Гражданской войны. Сиротство, бедность, трудное вставание на ноги, а тут смута, братоубийственная война. Наперекор революционной стихии, в которой нет места обыкновенному человеческому счастью, строили свою жизнь Степанида и Иван. Их постигли скитания, его — по военным дорогам, от белых к красным, из Забайкалья то в Монголию, то в Маньчжурию и обратно, её — вслед за ним. Среде пожара и разрухи жизнь не хотела продолжаться — рождались и умирали дети, из шестерых выжили только двое. Едва успокоились бои, как начались разборки с «бывшими», мужа расстреляли...

Повесть была написана с доверием к героине, сочувствием к судьбам сибиряков, пониманием трагедии раздвоения России. «Исповедь в Акше» оказалась близка к «Житиям народным» — серии, которую я как раз начинала в издательстве. Такими повествованиями история говорит из первых уст, считала я.

Меня «Исповедь в Акше» порадовала вдвойне: и как страничка всё ещё не законченного полотна Гражданской войны, и как новый успех писателя Геннадия Машкина.

Конечно же, я с радостью поделилась с ним впечатлением.

— А я что говорил! — довольно отвечал Машкин.

Мы сразу начали готовить новую книгу. Было решено: Геннадий Николаевич добавляет к повести цикл рассказов разных лет, и мы выпускаем сборник под названием «Исповедь в Акше». Пусть рассказов будет немного, убеждала я писателя, главное, чтобы они были на уровне новой повести.

Книгу поставили в план, и — она зависла. Издательство к этому времени осталось без системы Книготорга и Библиотечного коллектора, и, вынужденное своими силами заниматься продажами, всё больше кренилось в сторону массового

спроса. А спрос был тогда на поэтов Серебряного века, зарубежный сентиментальный роман, кулинарные книги... Творчество современных писателей-сибиряков было отодвинуто, к тому же от издательства больше не требовали, как раньше, отражать литературный процесс своего региона. Москва с Госкомиздатом СССР, которому мы подчинялись, отвернулась ещё раньше...

От безвыходности наши писатели принялись за организацию частных издательств. В одном из них, «Письмена», в 1994 году и вышла новая книга Геннадия Машкина. Это была не совсем та книга, что готовилась в ВСКИ: объём её увеличился за счёт нескольких, в своё время отклонённых рассказов, изменилось название. Вместо «Исповедь в Акше» на обложке стояло — «Любовь на один сезон» (по одному из старых рассказов).

Было понятно — издатель хотел не отстать от модных веяний и надеялся заголовком про любовь привлечь читателей. Однако это не помогло, и тираж в 10 тыс. экземпляров уже не пошёл влёт, или хотя бы близко к былым темпам. Но больше всего пострадала повесть «Исповедь в Акше». Несмотря на то, что она стояла первой в книге, она не прозвучала как новинка для читателя 90-х годов.

Раньше соблюдался такой закон: называть сборник по новой вещи автора. Название было сообщением читателю, что у писателя эта новая вещь появилась. Теперь же мало кто знает об «Исповеди в Акше» Геннадия Машкина, о нём больше судят по произведениям 60–70-х годов. Вот чего жаль.

В конце 90-х довелось по просьбе Геннадия Николаевича прочитать два его геологических романа, готовых к публикации, — «Выстрел из кембрия» и «Дальняя тайга». Они были одобрены мной, и я снова порадовалась за писателя. В 1999 романы вышли в типографии № 1, в книге под названием «Таинственные Лены берега».

Автор подарил мне эту книгу с надписью: «От всего сердца!» Когда же я заглянула в выходные данные, то там, где указан редактор, с удивлением обнаружила свою фамилию. Тут же звоню.

— Геннадий Николаевич! Это почему я у вас редактором стою? Я ведь не редактировала.

Он отозвался весело, как о пустяке.

— Да ты же всё это читала! А фамилию редактора надо было поставить для порядка!

Вот он, незрелый, а потому всегда горчащий для меня плод издательской самодельности! В 90-е годы все типографии получили лицензии на право выпускать книги и стали работать с авторами напрямую. Редактора, что называется, «сбросили с корабля современности». Это устраивало обе стороны: типография получает деньги от заказчика согласно объёму рукописи, не тратит времени и финансов на редактора. Автор же сберегает свои нервы от редакторских замечаний. Ну а читатель? Ему остаётся радоваться, если поработал хотя бы корректор!

Правду сказать, новые романы Геннадия Машкина особого редактирования и не требовали. Один, «Выстрел из кембрия», был посвящён разведке нефти в Восточной Сибири, второй — «Дальняя тайга» — открытию месторождения золота в Сухом Логе, в чём поучаствовал в своё время и геолог Машкин. Он не раз говорил об этом. Получились добротные произведения, в лучшем смысле «производственные» и даже исторические — об освоении Сибири в середине XX века.

Быть причастной к их публикации я бы не возражала, если бы не ещё одна повесть, замыкающая сборник, «Свириная глухомань». Помнится, эту повесть, не

то сатирическую, не то развлекательную, издательство отклонило ещё лет двадцать назад, и я бы не посоветовала автору ставить её рядом с двумя солидными романами. Несмотря на это, мне было очень жаль, что литературовед из Иркутского госуниверситета не заинтересовался этой книгой, когда я предложила ему написать на неё рецензию.

Последнее воспоминание, связанное с Геннадием Машкиным, — это самое начало 2000-х годов, обсуждение его объёмного сборника повестей и рассказов разных лет на заседании редсовета издательства «Иркутский писатель», которым руководил в то время Анатолий Байборodin.

Мнения по составу сборника разошлись, были предложения по сокращению, но особенно горячая дискуссия вспыхнула между автором и Глебом Пакуловым, тем самым Глебушкой, с которым они рыбачили на озере Фролиха. Глеб Иосифович тогда дописывал свой теперь уже известный роман о протопопе Аввакуме «Гарь», был в хорошей творческой форме, возражал с особой доказательностью. Но и Геннадий Николаевич не оставался в долгу, и можно сказать, это был поединок двух титанов из уходящей в историю «Иркутской стенки», когда вопросы писательского мастерства, подлинности изображения, языковой выразительности были главными и ставились конкретно по произведению. Несмотря на изменившееся время, писатели словно вернули ушедшие годы, когда в спорах высекался творческий огонь, озаряя их новые произведения.

С той поры я не раз думала о том, что из всего написанного Геннадием Машкиным необходимо отобрать всё лучшее и переиздать, чтобы в истории сибирской литературы запечатлелось его свидетельство о времени и людях, не замутнённое чем-то случайным и необязательным.

Геннадию Николаевичу очень повезло в последнее, примерно, десятилетие жизни, когда после смерти первой жены второй стала Людмила Терентьевна Рондик. Она приняла близко к сердцу не только судьбу писателя, но и его творчество. Не раз говорила мне, что её любимая вещь — «Письменная работа», о чистоте чувств двух влюблённых; очень сопереживала трудам мужа над продолжением повести «Синее море, белый пароход» — «Бродяги с Сахалина», дала мне журнал, в котором эта повесть была затем опубликована. После ухода из жизни Геннадия Николаевича она стала готовить к изданию ещё неизвестные его произведения и занималась этим до конца своих дней.

...Прошли годы с того холодного января, когда писателя, изведавшего многие муки от болезней, семья и друзья проводили в последний путь. Но у меня он остался в памяти жизнерадостным, готовым к шутке собеседником, насмешливым в споре, с юношески здоровой реакцией на всё, что происходит вокруг. Не зря его считают своим в детской литературе.